

Есенину – цветы, Мариенгофу – репу

СНИМАЕТСЯ КИНО

Вчера в Волковском театре состоялся вечер советской поэзии. Публика, прослушав лекцию об имажинизме, стала кидать овощами в поэта Мариенгофа, требовала Серегу Есенина и носила его на руках. Так в Ярославле прошел еще один съемочный день фильма «Есенин» столичного режиссера Игоря Зайцева, главную роль в котором играет Сергей Безруков.

Накануне ярославцев пригласили участвовать в массовке, и автор этих строк решила воспользоваться этой возможностью – не только из любви к великому поэту, но и из интереса к известному киноактеру. Вот что из этого получилось.

В мосфильмовскую костюмерку, которая расположилась в театральном кафетерии, выстроилась длинная очередь. Многие со скучающим видом прислонились к стене – время уже близится к полудню, а они здесь с шести утра. Вместе с двумя девушками захожу в комнатуху, где длинными рядами висит одежда 20-х годов: старые, потертые пиджаки, платья, полинявшие юбки и выцветшие блузки. В такую для съемок обряжали советский пролетариат. Костюмерша внимательно смотрит на меня, затем достает жуткого вида полосатую юбку и бесформенный пиджак, тянется за шляпой. Чувствую, что, облачившись в это, мне вряд ли захочется попасть в кадр. Но всю остальную подходящую по размеру одежду разобрали. Робко спрашиваю:

– А может, без костюма как-нибудь?

– Да без проблем, – отвечает женщина. – Сядете где-нибудь на последнем ряду. Только длинные волосы в косу заплетите.

Радостно ретируюсь. Ладно – мне волосы в косу убрать. А одна девушка – и по этому поводу она уже успела стать легендой киношного утра – вообще обстригла волосы на манер нэпмановского каре, лишь

фото Дмитрия ШИМАНСКОГО

бы оказаться в кадре. Самое главное – не зря: рыжеволосую голову Даши я заметила в первом ряду, так что после выхода ленты на экраны отважную ярославну можно будет лицезреть крупным планом.

Несмотря на достаточно современный облик, вместо последнего ряда меня усадили в ложу, совсем близко к сцене, украшенной красными лентами с лозунгами типа: «Вперед к коммунизму!», «Впереди выход в светлое царство социализма». В центре ее – стол, корзины с белыми хризантемами. По сценарию это зал оперного театра в Ростове-на-Дону, куда знаменитые московские

поэты приехали просвещать провинциальный пролетариат.

Почему-то желающих засветиться в сериале и заработать 150 рублей было не очень много – всего около 350 человек. Они не заполнили и двух третей зала. А потому помощникам режиссера то и дело приходилось перегонять народ с места на место, чтобы не было пустующих кресел. Рядом со мной оказались коротко стриженный паренек-толстолиц в серой косоворотке, девушка-комсомолка в красной корзинке с белыми хризантемами и преклонных лет старичок в белом костюме.

Публику рассаживали по местам около часа.

– Вы нависайте на перила, нависайте! – обращался режиссер к сидящим в ложе. – Вам же интересно. А хотя вот выйдет Безруков, сразу поймете, как друг на друге виснуть.

И вот началось самое главное.

После краткой лекции об имажинизме на сцену вышел поэт Анатолий Мариенгоф в исполнении Дмитрия Щербина. Худой, длинный, с прилизанными черными волосами, «не верящий ни в бога, ни в черта» и «окончательно больной революцией», он пообещал зрителям стихи, которые заставят их «забеременеть настоящей революционной литературой».

Делал он это не менее пяти раз – пока репетировали и снимали разные дубли.

Публика, непривычная к такому режиму, подустала. Напряжение снял Сергей Безруков, появившийся на сцене в есенинском прикиде – серый костюм, древние туфли на каблук и завитые, выветленные волосы, со стаканчиком кофе. Народ встретил его овациями, какие, возможно, самому Есенину и не снились. И он тут же, к восторгу девушек и почтенных дам, стал заигрывать с массовкой – прыгать на одной ножке, выделывать различные па, слать воздушные поцелуи, даже запел свою хи-

товую «Отчего так в России безрезвы шумят...». Строки тут же подхватили хором.

В зале царила по-настоящему творческая атмосфера. Во многом этому способствовал Сергей Безруков. Не только своим обаянием, но и дельными советами. Как ни странно, он быстрее режиссера Игоря Зайцева нашел общий язык с публикой.

– Ну давайте подумаем, что можно кричать из зала, чтобы поэт убрался со сцены? – спрашивал он о Мариенгофе, приглашая массовку к сотворчеству.

В результате сцена с несчастным поэтом, призывающим к революции, выглядела так:

- Свинья!
- Долой Мариенгофа!
- Хватит крови!
- Нехристь!
- Даешь Серегу Есенина!

По сигналу режиссера в Мариенгофа полетели огрызки яблок и репка. Вообще-то мосфильмовцы выдали еще и московку, но, видимо, решив, что даже пролетарии в театр с огородными запасами не ходят, морковный вариант отсекали.

– У меня сегодня первый съемочный день, – сетовал Дмитрий Щербин, потирая ушибленные места и обиженно рассматривая пятно на чистом сером костюме. – После такого начала второго дня может и не быть. Так что вы уж поосторожнее.

После того как народ разделался с Мариенгофом, на сцене остался один Есенин – Безруков. И прогнозы Зайцева тут же сбылись. Как Сергей читает «Исповедь хулигана», стоит послушать. Дамы обмахивают веерами, мужчины, сжав губы, наклоняются вперед, чтобы лучше слышать. Глаза у всех блестят, вместе с поэтом люди повторяют заученные наизусть от многократного прочтения строки. Затем бурные овации, поклонники таланта дарят Есенину цветы и носят его на руках.

Несмотря на увлекательность процесса, он явно затянулся. За пять часов съемок все очень утомились и проголодались. Наступил долгожданный перерыв, и народ ринулся к Безрукову за автографами. После обеда поэтический вечер продолжился.

Екатерина АБРАМОВА.